

разностороннимъ, самостоятельнымъ наблюдателемъ. Для своей книги онъ успѣлъ собрать множество стараго рукописнаго матеріала, между прочимъ, такого, который исчезъ потомъ и сохранился теперь только въ его указаніяхъ и извлеченіяхъ, какъ напр. знаменитая Іоакимовская лѣтопись и разныя отдѣльныя лѣтописныя извѣстія. Въ то же время онъ собралъ множество бытовыхъ фактовъ современной ему жизни, такъ что по этому разнообразному практическому знанію Россіи съ нимъ какъ и съ Болтинымъ, пожалуй, не сравниются кабинетные исторіографы нашего времени. Такъ, — рассказываетъ его біографъ, — онъ роется въ архивахъ, покупаетъ рукописи на площадяхъ у разносчиковъ; читаетъ у кн. Д. М. Голицына письмо царя Михаила Теодоровича къ Теодору Шереметьеву, у князя А. М. Черкаскаго два или три письма царя Алексѣя Михайловича къ И. Бор. Черкасскому; развѣзжая по уральскимъ горамъ, бесѣдуетъ съ инородцами; спрашиваетъ поясненія слова: татаръ — у бухарцевъ; о томъ же спрашиваетъ Дондукъ-Даши, его абугелюнга; черезъ оренбургскаго ассесора Рычкова спрашиваетъ ученыхъ магометанъ о разныхъ наименованіяхъ заморскихъ народовъ, и тѣ доставляютъ ему письменные отвѣты; того же требуетъ отъ служившихъ при немъ восточныхъ переводчиковъ; переписывается о литовскихъ древностяхъ съ однимъ знатымъ смоленскимъ шляхтичемъ; чуваша, черемисы толкуютъ ему свои собственныя имена; о томъ же спрашиваетъ онъ вогуличей черезъ переводчиковъ; говоритъ съ грузинскимъ царевичемъ Бакаромъ о книгахъ Меодія Патарскаго; донскіе казаки показываютъ ему различныя мѣстности, слывшія знаменитыми въ древности; кабардинскіе уздени передаютъ ему преданія кавказскихъ горцевъ; онъ самъ осматриваетъ развалины старыхъ городовъ на рѣкахъ Ахтубѣ, Волгѣ, Ингулу, Пронѣ, и посылаетъ съ тою же цѣлью офицеровъ и геодезистовъ; евреи ему показываютъ свои библіи въ сверткахъ; онъ дѣлаетъ наблюденія надъ солнечными затмѣніями, записываетъ себѣ на память годы, когда было сѣверное сіяніе, когда являлись метеоры, плодилась саранча, записываетъ различныя повѣрья и т. д. «Много бы можно было собрать подобныхъ подробностей и мелкихъ, иногда случайныхъ, чертъ изъ жизни Татищева; онъ весь — вниманіе и любопытство, онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ для пополненія запаса своихъ свѣденій» ¹⁾. Подобныя черты личнаго и ученаго характера мы найдемъ далѣе у Болтина.

¹⁾ Н. Попова, „Татищевъ и его время“, стр. 434—435.